

Ю. В. Котенко

г. Харьков

ОППОЗИЦИЯ САКРАЛЬНОЕ – ДЕМОНИЧЕСКОЕ В ЛИРИКЕ Н. МИНСКОГО

Статья посвящена исследованию парадигмы демонических и божественных образов в поэтическом наследии Минского.

Ключевые слова: оппозиция, сакральный, демонический.

Стаття присвячена дослідженню парадигми демонічних та сакральних образів в поетичному спадку Мінського.

Ключові слова: опозиція, сакральний, демонічний.

The article is devoted to the study of the paradigm of divine and demonic images in N. M. Minskiy's poetry.

Keywords: opposition, divine, demonic.

Н. М. Минский вошел в историю русской культуры как поэт и философ, один из родоначальников нового искусства, стоявший у истоков русского символизма. Свои представления о мире в течение всей жизни он пытался выстроить в строгую законченную систему. Не случайно за ним закрепилась репутация «умного поэта», «поэта мысли». Его творчество вызывало неоднозначные оценки как со стороны его современников, так и со стороны литературоведов конца XX – нач. XXI вв. К наиболее глубоким и содержательным работам, в которых одним из объектов исследования стало творчество Минского, можно отнести докторские диссертации С. Сапожкова «Русская поэзия 1880–1890-х годов в свете системного анализа: от С. Я. Надсона к К. К. Случевскому (течения, кружки, стили)» и Л. Щенниковой «Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен», где художественной индивидуальности Минского посвящены отдельные главы, а также кандидатская диссертация О. Самсоновой «Творчество Н. М. Минского: феномен этнокультурного самоопределения писателя». Ученые исследовали разные аспекты творчества поэта и пришли к различным, а иногда и противоположным выводам относительно особенностей его художественной системы. Однако детально и в тесном взаимодействии с философским учением Минского о мэонах, творчество поэта-философа не было рассмотрено. Между тем, все наследие Минского базируется именно на мэонистической системе, повлиявшей на эволюцию его поэтических образов, тем, мотивов. В силу этого целью данной статьи является исследование эволюции одной из центральных оппозиций – божественного и демонического – в поэтическом наследии Минского, основанной на философской системе мэонизма. Отсутствие разработанности этой проблемы в современном литературоведении определило новизну нашей статьи.

Философские трактаты Минского «При свете совести» (1890) и «Религия будущего. Философские разговоры» (1905) раскрывают понимание их

автором устройства вселенной, роли человека в ней и, что особенно важно, определяют источник и сущность того, к чему он стремится. Таким источником Минский называет мэон – единый Абсолют, невидимый человеческому глазу, но являющийся святыней, приближение к которой объясняет одно из назначений человеческой жизни.

Минский полемизирует со своими соратниками относительно проблемы преображения духовного мира человека. Свою теорию мэонизма Минский противопоставляет теориям Мережковского, Булгакова, Бердяева. Вместе с тем философские его рассуждения развивались в контексте поисков нового религиозного сознания, характеризующих литературно-общественную атмосферу начала XX века. Разработку своей концепции мэонизма Минский предлагает в большинстве своих философских трудов. Активная работа мысли поэта привела его к созданию религиозно-философского трактата «При свете совести» (1890). Одной из последних и наиболее полно раскрывающих учение мэонизма работ является трактат «Религия будущего. Философские разговоры» (1905). Это произведение издавалось Минским постепенно, частями в журнале «Мир искусства». В нем автор вновь обратился к идее мэонизма. «Я нахожу в мэонистической легенде если не разрешение всех загадок жизни, то объяснение их неразрешимости, – писал он, – если не избавление от смерти, то сознание ее разумной необходимости, если не избавление от страданий, то их освящение» («Пятый философский разговор») [3, с. 54].

Мэонистическая теория находит определенное выражение и в поэтических произведениях Минского. Наиболее ярко представлена в них мысль о божестве, принесшем себя в жертву ради создания человеческого мира, и идея двуединства мира, сочетающего в себе противоположные, но дополняющие друг друга элементы. Идея божественного Абсолюта, по мнению поэта, является ключевым звеном в мэонистическом учении, раскрывающим суть легенды о Едином. Единое божество – высшее единство, к которому следует стремиться. Неоднократно упоминая, что путь к нему сложен и требует духовного подвига со стороны человека, Минский сам проходит все этапы его постижения. Традиционные представления о силах добра и зла, как двух противоборствующих начал, постепенно в сознании поэта приобретают иное значение. Как все мироздание, где царствует закон подчинения («движение всех тел, вся гармония неба подчинена одновременно силе центростремительной и силе центробежной») («Пятый философский разговор») [3, с. 63], так и человек подчинен законам морали. Однако, с точки зрения философа, в человеческом понимании и «отречение» от собственных эгоистических потребностей, и «удовлетворение», как прямо противоположный ему идеал, имеют равные права. С моральной точки зрения оба идеала равны по силе и ведут человека в разные стороны, что может привести к смерти или «неподвижности». Но с позиции духовного мироустройства жизнедеятельность человека не только не замирает, она развивается так же, как и земной мир, и, в конце концов, обретает гармонию. Таким образом, для достижения абсолюта необходимо взаимодействие

идеалов («оба идеала нравственности должны быть сведены к высшему единству, которым не может быть ничто иное, как единая цель мира, как религиозная легенда о Едином») («Пятый философский разговор») [3, с. 63]. В одном из философских разговоров автор трактата «Религия будущего» приходит к выводу, что мир не является средоточием борьбы добра и зла, это источник путей единения и поиска гармонии через сочетание добра и зла. Более того, понятие «зло» теряет резко отрицательную окраску в учении о мэонах: «Более глубокое изучение духовной жизни, – утверждал Минский, – убедило нас, что движущая сила духа только одна – сила божественного света, добра, сила разума. Мир, купленный при самом своем рождении божественною жертвою, не может быть ничем иным, как поприщем растущего добра. Но это условие добра – его рост и совершенствование – необходимо предполагает различные степени его – от самой низкой до самой высокой. И вот низшая степень добра, в сравнении с высшими, кажется нам злом и преступлением» («Пятый философский разговор») [3, с. 51]. На ранних этапах творчества поэт размышлял об этой борьбе темных и светлых сил, ощущая их положительную зависимость друг от друга. Неосознанное стремление соединить эти два противоположные мира в единое целое привело поэта к идее двуединства, которая была положена в основание мэонистической легенды.

Нельзя сказать, что Минский позиционировал себя как человека, который познал истину и обрел уверенность в правильности своих представлений. На протяжении всего творчества он тяготился сомнениями, испытывал колебания, которые становились предметом его поэтических рефлексий.

Издавая в свет каждый новый сборник, поэт и философ Н. М. Минский стремился продемонстрировать эволюцию своих эстетических взглядов и в то же время подчеркнуть определенную преемственность в своем развитии. Особенностью его поэтических книг было то, что публикация новых стихотворений сочеталась с обязательным включением наиболее значимых, с точки зрения автора, произведений более ранних периодов творчества. Постоянное повторение одних и тех же стихотворений производило эффект некоторой монотонности, но, вместе с тем, позволяло читателю увидеть целостность поэтической системы Минского.

Одной из наиболее частых в творчестве Минского является тема противоборства божественного и демонического начал. Несмотря на то, что начинал Минский с гражданских мотивов, уже в первый сборник «Стихотворения» (1887) были включены такие стихотворения, как «Любовь и меч», «Мой демон», «Пророк», «Наставники мои», «Прокаженный». В них автор стремился представить свое понимание сакральных и инфернальных образов. Примечательно, что Минский создает парадигмы полярных образов, таких как Бог, ангел, пророк и в то же время – дьявол, демон, тень, змея.

Традиционно образ демона выступает в роли искушителя, источника постоянных сомнений и отрицаний. Демон Минского демонстрирует и то и другое, однако его действия не рассматриваются автором как категорически

негативные. Темные духи поэта подвигают мысль читателя к переосмыслению церковных догматов и приближают к познанию истины, основанной на разумном понимании сущности божественного Абсолюта.

В стихотворении «Мой демон» лирический герой испытывает определенное потрясение при встрече с демоном. Он потрясен силой и мощью явившегося его взору демонического существа:

С тех пор, как мудрый Змий из праха показался,
Чтоб демоном взлететь к надзвездной вышине, –
Доныне никому он в мире не являлся
Столь мощным, страшным, злым, как мне [1, с. 45].

Поражает лирического героя то, что представитель темных сил стремится с помощью молитвы постичь истину. И те искушения, которые демон предьявляет человеку, воспринимаются не в качестве проявления злого начала, а представляются одним из способов обретения истины. Лирического героя пугает не противоположность демонического и сакрального, а сходство путей постижения тайны мироустройства. Такая религиозно-этическая релятивность была свойственна многим представителям символизма. Достаточно вспомнить строки стихотворения Константина Бальмонта «Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог» или эпатазирующее утверждение Валерия Брюсова: «И Господа и Дьявола / Хочу прославить я». Не случайно А. Ханзен-Леве назвал первый этап становления русского символизма «диаволическим» [4, с. 13].

Примечательно, что стихотворение «Мой демон» было включено в первый сборник 1887 года. Уже в этот период Минский находился на стадии переосмысления определенных позиций своего мировоззрения. Однако его демон не просто ищет правду, он мыслит, размышляет и приходит к выводу, что в человеческом мире, в душах людей не осталось места для божества: «в душе, в людской душе, в прекрасном храме мира, нет больше божества – и даже нет кумира» («Наставники мои!»). Несмотря на то, что демон не воспринимается поэтом как абсолютное мировое зло, Минский в некоторых своих произведениях наделяет его большим количеством отрицательных черт, чем в стихотворении «Мой демон». Так, в процитированном выше стихотворении «Наставники мои» змий также шепчет молитвы и «кроткие признания», однако он никогда «слез не льет», его не впечатляют красота и любовь, он полон злости и вражды. Поэт изображает его типичным представителем демонического мира. Злоба и одновременно жажда познания истины становятся определяющими чертами образа демона на раннем этапе развития творчества Минского.

В сборнике «Стихотворения» 1896 года поэт вновь обращается к демоническим мотивам. Негативная оценка демона усиливается. Он представлен как злой («Кто ты, о демон злой!»), безумный («Из бездны, где в цепях»), становящийся причиной всех земных ужасов и страданий. Действительность, в которую попадает герой по злой воле демона, вызывает у него отторжение: «но этот смутный мир существ невоплощенных, мир несвершенных дел, ни мертвый, ни живой» («Кто ты, о демон злой»). Герой

задается вопросом: «Кто ты, о демон злой, что на пороге стал между страданиями и песнями моими?». Демон провоцирует «душевных сил разлад», становится источником человеческих пороков.

В другом произведении – «Интермедия» – в аллегорической форме представлены две истины: истина Христа и истина Иуды. Вторая не дает ни одного положительного утверждения в противовес истине Христа. Все свои речи она заканчивает вопросами: существует ли Бог, обладает ли он всемогущей силой или так же несовершенен, как и его создания?

А Бог?

Творец миров и благ податель?

Ужели нищ Он и убог?

Ужели не блажен Создатель? [2, с. 105].

В ответ на утверждение истины Христа о грядущем Страшном суде истина Иуды высказывает сомнение в совершенстве созданного Богом мира: «Так значит ныне мир бессуден? / Звать Бога в помощь – праздный труд?» [2, с. 105]. В финале интермедии звучит мысль о том, что стремление познать божественное провидение с помощью разума свидетельствует о чистоте веры: «Вопросам всем Христос – ответ. / Кто в нем живет, не вопрошает» [2, с. 106]. Так же, как и Демон в предыдущем стихотворении, иудина истина ищет правду, отказывается от слепой веры, пытается познать и понять все сущее. Однако образ сомневающегося Иуды в «Интермедии» уже не производит такого парадоксального положительного впечатления, как демон. Минский наделяет абстрактный образ истины Иуды антропоморфными чертами: «как ты страшна! В глазах вражда и щеки худы» [2, с. 105].

Зачастую сталкивая две противоположные, несовместимые идеи, Минский в демоническом персонаже подчеркивает единство положительного и отрицательного начал. Так, образ Иуды, восставшего против Бога, первым ступившего на путь освобождения от непосильных для человеческого сознания истин, сталкивается в поэтической системе Минского с другой трактовкой образа этого новозаветного персонажа, с изображением Иуды жалкого, слабого одинокого и греховного. Проблема выбора человеком истинных или ложных ценностей определяет содержание поэтической мистерии «Мудрые и неразумные», где мудрые девы являются сторонниками Христа, а неразумные – Иуды. Первые выбирают путь покаяния и молитвы. Они ощущают удовлетворение от победы над мирскими соблазнами и греховностью. Итогом такого выбора становится полная покорность Богу вплоть до безропотной гибели во имя веры и утверждения истинных ценностей. Вторые, неразумные девы, принимают сторону демонического и окунаются в мир греха и разврата. Однажды познав такую жизнь, сторонники ее не могут отказаться от удовольствия, даже понимая свою греховность. Свое поведение они оправдывают тем, что в условиях земного бытия они неизбежно должны идти путем Иуды, отвергшего Благоую весть, поскольку такова природа человека:

В морях, в лесах, в полях – повсюду,

Где алчет жизнь, где смерть сыта, –

Досель встречала я Иуду,
Нигде не видела Христа [2, с. 332].

Если мудрые девы становятся Христовыми невестами, то неразумные предпочитают путь разврата: «Не буду женою ничьей, / Всем ласки даруя бесплодные» [2, с. 332].

Характерно, что изображая полярные по своему религиозному и этическому содержанию позиции мудрых и неразумных дев, Минский приводит их к абсолютно тождественному итогу – смерти. И в первом, и во втором случае повторяются одни и те же слова, но принадлежат они персонажам, придерживающимся противоположных взглядов на смысл человеческой жизни: «Умру, не оставив детей, / Да в мире исчезну бесследною» [2, с. 333]. Однако к такому финалу собственной жизни героини приходят с разным духовным багажом. Если мудрые девы рассчитывают мирно уснуть «на месте Господних страстей» «с молитвой победною», то неразумные девы, устав «от буйства страстей», отдаются во власть смерти. Казалось бы, пролог и эпилог мистерии не оставляют сомнений в том, какая концепция человеческого бытия предпочтительнее. Изображение аллегорических образов покорных и безвольных капель воды (пролог) и снежинок (эпилог), предоставивших свою судьбу во власть Божественной Силы, призвано утвердить мысль о разумности их поведения: «Кто дерзает, тот погибнет. Мы безвольны, мы покорны <...> Мы пребудем навсегда» [2, с. 326].

Вместе с тем подобная категоричность не свойственна миропониманию самого Минского. Его утверждение правомерности разных путей достижения истины («Нет двух путей добра и зла, / Есть два пути добра») находит подтверждение и в трактате «Религия будущего», и во многих поэтических произведениях, где сакральное и демоническое уравниваются в своих правах. И в мистерии «Мудрые и неразумные» односторонний выбор дев, их слепое поклонение тем или иным ценностям приводит, с точки зрения Минского, к уничтожению мира, а не к его преображению: «не видать ни неба, ни земли. Земля одета ровным пушистым покровом, над которым еле заметно возвышается верхушка Голгофы <...> Верхушка Голгофы медленно исчезает под снежную пелену» [2, с. 334]. Вероятно, здесь находит выражение та же идея Минского о двуединстве сложных явлений бытия, о которой шла речь выше. Автор говорит о том, что только неприятие слепого поклонения «идолам» дает возможность обретения синтеза, необходимого для познания того самого единого Бога, о котором Минский говорит в трактате «Религия будущего».

На более поздних этапах поэтического творчества появляется разграничение понятия «Бог». Традиционный образ христианского Бога все более замещается образом мэонистического Бога-абсолюта. Будучи изначально существом сильным, безгрешным, единственно правдивым («ты я знаю безгрешен: грешит только раб, ты правдив и могуч – я преступен и слаб» – «Еврейская мелодия»), божество приобретает черты, характерные

Абсолюту из легенды о Едином в мёонистическом учении Минского («мир создав, его ты сделал вечным, а сам исчез в творении своем» – «Облака»).

Таким образом, в поэтическом творчестве Минского наглядно выражена основная направленность развития парадигмы божественных и демонических образов, подчеркнута актуальность концепции единого божественного Абсолюта, познаваемого разумом.

Библиографические ссылки

1. Минский Н. М. Стихотворения / Н. М. Минский. – Спб., 1887. – 246 с.
2. Минский Н. М. Избранные стихотворения. «Из мрака к свету» / Н. М. Минский. – Берлин. : Изд. Гржебина, 1922. – 459 с.
3. Минский Н. М. Религия будущего (Философ. разговоры) / Н. М. Минский. – Спб. : Изд. Пирожкова, 1905. – 304 с.
4. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве [Пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха]. – СПб. : Академический проект, 1999. – 512 с.

Надійшла до редколегії 26.04.12